

Of the two symphony concerts given by the Bolshoi Theatre Orchestra on January 7 and 21, the latter deserves special mention in terms of artistic significance. It was dedicated to works by Tchaikovsky (Symphony No. 5, Serenade for String Orchestra, and the Overture "Romeo and Juliet") and was performed under the direction of V. I. Safonov. The concert on January 7 featured works by S. Rachmaninoff ("Cliff," "Isle of the Dead," and "The Bells") under the baton of the composer himself. [...]

The evening of November 7, dedicated to the works of Rachmaninoff, under his personal management, was of interest only insofar as it was possible to observe the course of development of the creative imagination of this composer.

The compositions, arranged in chronological order: [op.] 7 (Cliff), [op.] 29 (Isle of the Dead) and [op.] 35 (The Bells), gave a bright and vivid picture of the creative path taken by Rachmaninoff.

From these works—which are, in one way or another, valuable—one is compelled to draw conclusions that are, perhaps, not entirely favourable to the composer. The fact is that Rachmaninoff, in his first attempts, gave so much hope of becoming a composer of the first magnitude that, naturally, if this did not actually happen, everyone who “waited and did not receive” must have had a feeling of bitter disappointment.

Of course, both “The Isle of the Dead” and, especially, “The Bells” are far from ordinary works, which, regardless, can be considered desirable contributions to Russian musical literature, but for Rachmaninoff, this is not what one would expect from him, judging by his youthful works. And to me personally, somehow that youthful “Cliff,” where there is so much freshness and youth, tremblingly exciting hopes, is closer, dearer and more familiar than “The Bells,” written by the hand of a mature master, in which more “generality of composition” begins to be felt than the unrestrained flight of bold, free fantasy, eternally young and eternally beautiful...

As a conductor, Rachmaninoff is far superior to Rachmaninoff the composer, but his repertoire as a conductor is, unfortunately, increasingly narrowing, with works by other composers appearing less and less frequently at the expense of his own. But since he doesn't have many orchestral works, one invariably has to listen to either his symphony, or "Spring," or the works performed at the concert on January 7th, whenever Rachmaninoff conducted. This is as sad as it is sad that Rachmaninoff the pianist (moreover, a pianist by God's grace) performs only with his own piano works, ignoring the entire vast and rich piano literature.
Yevgeniy Gunst

[Translation: Google]

Изъ двухъ симфоническихъ концертовъ оркестра Большого театра, 7 и 21 января, въ отношеніи значительности художественнаго интереса слѣдуетъ выдѣлить послѣдній, посвященный произведеніямъ Чайковскаго (5-ая симфонія, серенада для струннаго оркестра и увертюра «Ромео и Джульетта»), исполненномъ подъ управленіемъ В. И. Сафонова. Въ концертѣ 7 января исполнялись произведенія С. Рахманинова («Утѣсь», «Островъ смерти» и «Колокола») подъ управленіемъ самого автора. [...]

Вечеръ 7 ноября, посвященный сочиненіямъ Рахманинова, подъ его личнымъ управленіемъ представлялъ лишь интересъ по столько, по сколько въ немъ оказалось возможнымъ наблюдать ходъ развитія творческой фантазіи этого композитора.детин расмивк

Расположенные в хронологическом порядке сочинения: 7-е (Утес), 29-е (Остров смерти) и 35-е (Колокола) дали яркую и живую картину творческого пути, пройденного Рахманиновым ховенофаров

Из парламентіц этих сочинений, в частности, так или иначе, цѣнных, приходится дѣлать выводы, быть может, не совсем благоприятные для композитора.

Дѣло в томъ, что Рахманиновъ в своихъ первыхъ опытахъ давалъ такъ много надеждъ стать композиторомъ первой величины, что, естественно, если это, в действительности, не произошло, у всякаго «ждавшего и непо-лучившаго» должно было породиться чувство горькаго разочарованія.

Конечно, и «Остров смерти» и, особенно, «Колокола», произведения - далеко незаурядныя произведения, которыя, безотносительно, можно считать желательными вкладами в русскую музыкальную литературу, но именно для Рахманинова это не то, что можно было бы от него ждать, судя по его юношескимъ произведениямъ. И мнѣ лично какъ-то ближе, дороже и роднѣе тотъ юношескій «Утесъ», гдѣ такъ много свѣжести и молодости, трехлетно волнующихъ надеждъ, нежели рукой зрѣлаго мастера написанные «Колокола», в которыхъ начинается сказываться болѣе «генеральство отъ композиціи», чѣмъ безудержный полетъ смѣлой свободной фантазіи, вѣчно юной и вѣчно прекрасной ..

Какъ дирижеръ, Рахманиновъ много выше Рахманинова - композитора, но репертуаръ его дирижерскій, все болѣе и болѣе начи-наетъ къ сожалѣнію, суживаться, все рѣже появляются в немъ произведения другихъ композиторовъ, за счетъ произведений самого дирижера. Но такъ какъ оркестровыхъ произведений у него не такъ ужъ много, то неизмѣнно приходится, при каждомъ дирижерскомъ выступленіи Рахманинова, слушать, либо его симфонію, либо «Весну», либо тѣ сочинения, что исполнялись в концертѣ 7 января.

Это такъ же печально, какъ печально то, что Рахманиновъ-піанистъ (притомъ, ціанистъ Божіею милостію) выступаетъ лишь со своими фортепіанными произведениями, игнорируя всю огромную и богатѣйшую фортепіанную литературу. Евгений Гунсть.